

«Даскал» обучал грамматике, очевидно, по руководству Мелетия Смотрицкого, поэтому его ученик сделал с него список. Вторая запись 1666 г. на рукописи показывает, по мнению Н. М. Дылевского, что сохранившийся список представляет копию списка 1655 г., сделанную в болгарском селе Вречеж. Таким образом устанавливается с несомненностью, что уже с начала второй половины XVII в. Грамматика Мелетия Смотрицкого служила для болгарских книжников главным руководством при изучении славяно-русского языка. Насколько в дальнейшем это изучение приводило к основательным результатам, видно, например, из того, что в середине XVIII в. видный болгарский литературный и церковный деятель Парфений Павлович сложил оду в честь Петра I на чистом славяно-русском языке того времени (Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 316).

Однако для рядовых югославянских читателей славяно-русский литературный язык в XVI—XVII вв. становился все более трудно понимаемым. Различия между русским языком и югославянскими, заметные уже в XIV—XV вв., подтверждают и русские книжники, как это видно из отзыва Нила Курлятева, ученика Максима Грека, о языке митрополита Киприана. Русские источники называют Киприана «сербином», а его язык именуют «сербским». Новые данные позволяют П. Динекову утверждать, что Киприан был болгарин, родился в Тырнове в 30-е годы XIV в., происходил из той же семьи Цамблаковичей, из какой вышел и Григорий Цамблак. Это была одна из знатных болгарских семей XIV в. Хотя фамилия Цамблаковичи встречается и у греков, румын, сербов и албанцев, однако Киприан и Григорий произошли от болгарской ветви ее, что подтверждается наименованием Болгарии — «наше отечество» в похвальном слове Киприану Григория.³⁴ Нил Курлятев отметил отличия языка Киприана от славяно-русского не только в фонетике (причем иногда эти отличия он распространяет и на болгарское произношение: «а речи по нашему не замедли, а сербски или буде болгарски не замуди»), но и в словаре, перечисляя ряд слов, которые «нам (т. е. русским) не разумны — бохма, васнь, реснотивие, цещи, ашут и много таковых мы не разумеем ино сербски, а ино болгарски».³⁵ «Сербским» назвал в данном случае Курлятев среднеболгарское написание, поэтому его замечание должно быть отнесено к болгарскому языку Киприана, ученика Тырновской школы Евфимия.

Потребность «исправляти русские речи на свои еззык» выразил болгарин, переписывавший в 1633 г. русский текст «Книги бытия и земли». Он сознается, что взялся переписывать русский «извод», так как «не изобреташе въ то време сия книга въ нашеъ езъще».³⁶

По-видимому, еще более ощущали трудность русского языка в XVI в. читатели сербы, как об этом свидетельствует на сербском списке 1585 г. «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия запись писца, который называет себя «убоги Григорий», в схеме «Василий священноиннок». Он переписывал «книгу Иосипа премудрого иже от еврей» «в пиргу святого Сави в Кареах». Согласно «заповеди» св. Савы, этот «пирг» стал местом постоянного книжного труда: в течение ряда веков, начиная с середины XIII в., здесь списано много богослужебных и «четьих» книг.³⁷ Эта тра-

³⁴ Ср.: П. Динеков. Стара българска литература, втора част. София, 1953, стр. 86, 88—89.

³⁵ Йордан Иванов. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан (1375—1406). — Известия на Институт за българска литература, кн. VI. София, 1958, стр. 30—31; о болгарском происхождении Киприана см. стр. 32—37.

³⁶ Рукопись библиотеки Хиландарского монастыря, № 307; см.: Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 309.

³⁷ Джордже Сп. Радожичич. Стари српски књижевници XIV—XVII века. Расправе и чланци. Београд, 1942, стр. 44—45, 52—53.